

УДК 94 (476).083

Е.П. ЦУМАРЕВА

“ЦЕНЗУРНЫЙ ТРУД НЕВЫНОСИМ”. О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВИЛЕНСКОГО ВРЕМЕННОГО КОМИТЕТА ПО ДЕЛАМ ПЕЧАТИ (1907–1914 гг.).

Исследуется функционирование Виленского временного комитета по делам печати (ВВКпДП) как части цензурной системы Российской империи начала XX в. На примере отношений внутри комитета рассмотрена борьба либеральных и официально-охранительных взглядов, характерная для всего общества. Дана общая характеристика состава и функциональных обязанностей инспекторов по делам печати. Вскрыто противоречие в осуществлении досмотра печати между комитетом и военной цензурой. Исследованы законодательные основания возбуждения уголовного преследования. Выделена группа СМИ и тематика статей, испытавших прессинг цензуры.

Введение

Изучение цензурной политики начала XX в. вызывает особый интерес в современной науке. Категории “свобода слова и печати”, “грань прав и обязанностей редакторов и журналистов”, “рамки цензуры” – сегодня столь актуальные вопросы, приобрели исключительную важность в начале прошлого столетия. Без анализа деятельности системы в то переломное время, ознакомления со взглядами цензоров на свой труд, понять ответы на вызовы современности едва ли возможно.

Исследованию цензурного аппарата Российской империи посвятили свои работы Н.Г. Патрушева, Н.А. Гринченко, В.С. Измозик, Д.А. Эльяшевич, Д.И. Раскин [1, 2]. Однако, деятельность ВВКпДП можно осветить более подробно. Целью данной статьи является рассмотрение “цензурного труда” изнутри, на примере ВВКпДП, созданного по ходатайству Виленского губернатора 9 марта 1907 г. Комитет являлся профессиональным органом цензуры на территории Северо-Западного края.

Основная часть

Условиями развития сферы печати в начале XX в. являлся колоссальный рост книжного и газетного дела в результате ежегодного увеличения потребности в чтении, расширения круга читателей. Под натиском революционных событий 1905 г. изменилось законодательство о печати. Был дарован Манифест 17 октября и Указ “О временных правилах о повременных изданиях” от 24 ноября 1905 г., признавшие Свободу слова “незыблемой основой гражданской свободы” [3].

Эти факторы, а также развитие многонациональной печати края, выходившей на белорусском, русском, польском, литовском языках и на идиш, формировали новые условия работы органов цензуры.

“Область дозволенного и запрещенного”.

Сами СМИ рассматривали печатное слово “совершенным оружием” [4]. Опасность этого “оружия” понимали и чиновники, по-разному воспринявшие либеральные изменения в законодательстве и в прессе.

Следует отметить, что характерное для общества противоборство либеральных и официально-охранительных тенденций, проявилось в отношениях

внутри ВВКпДП. Наиболее консервативную позицию занял цензор А.Н. Ярошевский, “местный православный белорус”, дворянин Могилевской губернии, прослуживший свыше 20 лет на государственной службе. Он выражал взгляд чиновников, которые категорию “Свобода печати” не воспринимали объективным правом общества и признавали ее “великим благом” лишь в случае, когда она находилась в руках представителей власти [5, л. 91 об.]. Позиция этих чиновников в отношении законодательства характеризовалась поддержкой изменений по ужесточению надзора за СМИ и усилению ответственности редакторов. Так, А.Н. Ярошевский критиковал Временные правила от 24 ноября 1905 г., как “наскоро” изданные, в результате чего, по его мнению, изменения “далеко не регулировали” положения прессы, судебные и цензурные учреждения “неодинаково” определяли рамки преследования, права и обязанности печати. Цензоры были поставлены в “затруднительное” положение [5, л. 90 об.].

Данная ситуация “особенно чувствовалась” на полиэтнических окраинах России с “вавилонским смешением” языков, к которым относили и Северо-Западный край. Иностранная печать, в особенности иностранная, консервативно настроенными чиновниками воспринималась как проводник “противогосударственных” и “социал-революционных” идей, наносивших “видимый вред” семье, обществу и государству [5, л. 90 об.].

Читательскую аудиторию, представленную народом, А.Н. Ярошевский характеризовал политически незрелой, по простоте доверявшей “всякому печатному слову”, обещаниям “несбыточных благ”. Цензор настаивал на принятии законодательства для учреждения “более правильного” надзора за СМИ [5, л. 90 об.].

Следует отметить, что не все цензоры ВВКпДП были столь консервативны. Сотрудник совета Главного управления по делам печати (ГУпДП) С.Е. Виссарионов характеризовал председателя ВВКпДП А.А. Кеммерлинга как “противника конфискации” прессы, потому что чрезмерные преследования создавали “рекламу” оппозиционным СМИ [2, с. 145].

“Непосильный” труд.

В состав комитета с момента его создания входили председательствующий, два члена комитета, секретарь, помощник секретаря, два вольнонаемных писца, курьер. Причисленные к комитету два представителя генерал-губернаторского правления рассматривали часть печати на русском языке, издания на “малороссийском и белорусском и других наречиях русского языка”. К комитету были причислены также по одному представителю от военного ведомства, православного и католического духовенства. В качестве исполнительного органа состоял инспектор типографий и книжной торговли [6, л. 14]. Состав Комитета самими членами признавался недостаточным для эффективной работы.

Мнение ВВКпДП зачастую расходилось с позицией ГУпДП в вопросах по кадровому составу, финансированию, оплате труда служащих. Инспектора просили о сокращении функциональных обязанностей, освобождении от явки в суд в качестве свидетелей или экспертов по делам печати. На членов комитета возлагались обширные дополнительные обязанности по ведению каталогов, справок, переводов, участию в решении вопросов по изданиям на других языках [5, л. 89 об.].

Определить объемы просматриваемых комитетом изданий помогут выписки из отчетов. ВВКпДП уведомлял, например, 1 ящик весом 1 пуд 08 фунтов печатных изданий на немецком, французском, английском, литовском языках

“дозволен к обращению” [7, л. 12]. Инспектора осуществляли перлюстрацию писем с надписями на иностранных языках, досматривали книги, молитвенники, брошюры, кипы газет, журналы, печатные листы. Для выписки печатных изданий из-за границы учреждения и физические лица обращались к цензору по иностранной цензуре, который выдавал специальное постановление [7, л. 16]. Основной обязанностью комитета являлся надзор за печатью в г. Вильно. В отчетность ВВКпДП входила систематическая высылка в ГУпДП посылки с регистрационными карточками изданий при перечневых списках, к ним прилагались вновь вышедшие в свет печатные издания по 6 экземпляров. Также регулярно высылался список уголовных преследований, возбужденных у прокурора Виленской судебной палаты против редакторов СМИ, выходивших в г. Вильно.

Сами инспектора, на заседании 4 августа 1912 г. цензурный труд описали “тяжелым и едваодолеваемым” [5, л. 89–91].

“Нерадение по службе”.

Действия ВВКпДП четко отслеживались ГУпДП. За статьи с признаками преступления, которые по упущению и недосмотру появлялись в печати, были строгие разборательства [8, л. 9]. Рассмотрим это на примере скандала в комитете и ГУпДП в 1914 г., рельефно вскрывшего противоречие в системе цензурного досмотра. Как известно, в связи с начавшейся Мировой войной, с 20 июля 1914 г. параллельно с ВВКпДП, досмотр печати производился военной цензурой. Сами цензоры расценили нововведение как затруднившее работу, просмотр статей стал “практически неосуществимым”, задерживал выход ежедневной прессы [8, л. 15]. Создалась коллизия: комитет при решении наложить арест на издание, допущенное военной цензурой, “дискредитировал” бы деятельность последней, к тому же, судебная палата не поддержала бы уголовное преследование разрешенных военной цензурой изданий. В такой ситуации глава ВВКпДП А.А. Кеммерлинг поддержал мнение председателя местной военно-цензурной комиссии Бекламишева, что “никто не может вторично рассматривать дозволенные военной цензурой издания и контролировать военных цензоров” [8, л. 13–14]. Результатом стал пропуск в печать “совершенно непозволительных” статей на литовском языке в газетах “Lietuvos žinios” и “Auzra”. ГУпДП рекомендовало устраивать “периодические собрания” членов комитета и военных цензоров для обсуждения “общих по печати” вопросов.

“Слов не крошит ни век, ни топор” (Я. Купала). Примеры арестов изданий.

Наиболее “популярным” основанием возбуждения уголовного преследования Виленским комитетом, являлись 1 п. ст. 281 и 3, 4 пп. статьи 1034 Уложения о наказаниях, устанавливавшие ответственность за составление и распространение сочинений, заключавших “недозволенные суждения о постановлениях и действиях правительства”, а также “за перепечатание” запрещенной литературы [9, с. 176, 441]. Часто применялись п. 1-3, 6 ст. 129 Уголовного уложения, устанавливавшей виновность в распространении сочинения, возбуждавшего “1) к учинению бунтовщического или изменнического деяния; 2) к ниспровержению существующего в Государстве общественного строя; 3) к неповиновению или противодействию закону...; 6) вражду между отдельными частями или классами населения...” [10, с. 196].

В крае выделилась устойчивая группа СМИ, последовательно проводивших линию защиты прав и осуществлявших критику власти, преследуемых цензурой. Лидерами являлись газеты “Северо-Западный голос”, “Свободное слово”, “Наше слово”, “Новая заря”, “Виленец”, “Фолксцайтунг”, “Газман”, “Der Wecker”,

“Gazeta Wilenska”, “Kurjer Litewski”, “Goniec Wilenski”, “Dwutygodnik Diecezjalny Wilenski”, “Echo”, “Свет”, “Новая эра”, “Lietuvos zinios”, “Viltis”, “Двинская мысль”, “Наша ніва” и др.

Приведем некоторые примеры. Не единожды подвергалась преследованиям белорусскоязычная газета, печатавшаяся “русскими и польскими” буквами, “Наша ніва”. Особо неприятными для цензуры являлись статьи о Думе. Так, статья “Дума и народ”, опубликованная в № 8 за 1907 г., стала одной из причин преследования газеты и редактора А.Н. Власова. Газета писала, что Дума должна быть выразителем “народной воли”, вместо этого правительство дало народу “депутатство”, но не власть. Также говорилось о первостепенном значении свободы слова и печати в деле правдивого обустройства жизни. “Веками обирали народ от свободной мысли”. Сделан вывод, что Дума в одиночку не установит свободу и народ “не должен спать”, борясь за свои права [11].

Периодически преследованию подвергалась ежедневная виленская русскоязычная газета “Северо-Западный голос” за обсуждение злободневных вопросов общероссийской действительности. В борьбе с применением смертной казни, газета печатала письмо депутата второй Государственной думы Ч. Ломтатидзе, содержащегося в Севастопольской тюрьме. Комитет расценил статью как имевшую цель “возбуждение обывателей против смертной казни политических преступников” [12, л. 31–32]. Далее, в № 1284 от 21 февраля 1910 г. на передовой размещена критика доклада думской комиссии по законопроекту об отмене смертной казни. Комиссия высказалась за сохранение смертной казни не только в военной юстиции. Газета охарактеризовала такую политику “кошмарным явлением”, “хладнокровным расчетом”, вызванным “жестоким умом и звериным сердцем”. По мнению ВВКпДП, автор не видел “никакого различия между террористическим убийством и смертной казнью ... по приговору суда”. В статьях усмотрено преступление, предусмотренное ст. 281 Уложения о наказаниях. Номера подлежали конфискации, против редактора-издателя М.М. Шата возбуждено уголовное преследование [12, л. 102–103].

Газета освещала также забастовочное движение. Председатель ВВКпДП А.А. Кеммерлинг усмотрел “явно тенденциозный” характер статьи “К драме в тайге”, размещенной в № 1993 от 11 апреля 1912 г. Несмотря на то, что часть статьи была перепечатана из петербургской газеты “Вечернее время”, газета подверглась преследованию. По мнению обвинителя, в статье сообщался ряд не проверенных расследованием известий, положение бастующих описано “в самых мрачных красках”, вынудившее их к выступлению. Единственными “виновниками ситуации” названа администрация приисков, судебная и воинская власти. Совет комитета наложил арест на номер, против редактора было возбуждено судебное преследование [5, л. 65–66].

Среди краевых польскоязычных газет часто преследовались корреспонденции газеты “Kurjer Litewski”. Заведующий польско-немецким отделом Э.Л. Меллерштейн фон Меллер посчитал статью “Покровитель зла”, напечатанную в № 50 от 3/16 марта 1909 г. и посвященную юбилею А.С. Суворина, преступной. По мнению цензора, в данной статье допущены “резкие, возбуждающего характера, суждения о действиях правительства”. Газета писала, что правительство, пользуясь услугами А. Суворина-публициста, “развращало и развращает народ, убивает в нем совесть и самосознание, превращает его в послушное орудие”. Высказана мысль, что народ, доведенный до упадка, будет выгоден,

т. к. будет доволен “наихудшим правительством и наихудшим законом”. Номер газеты подвергся конфискации, а против редактора В. Барановского возбуждено уголовное преследование [12, л. 9–10].

Актуальным для Северо-Западного края и Российской империи в целом был “инородческий вопрос”. Особая бдительность проявлялась в отношении деятельности поляков в Северо-Западном крае, т. к. белорусские земли были предметом исторического спора Польши и России. Газета “Kurjer Litewski” в № 33 от 11 февраля 1910 г. поместила статью на передовой “С открытыми картами”, критиковавшую циркуляр Министра внутренних дел об инородческих обществах и союзах. Редакция газеты признала документ попустительством “всякого рода произволу” исполнительной власти, имевшим целью «ослабить п. 1 Манифеста 17 октября». Цензурный комитет предоставил дело на рассмотрение Виленского губернатора [12, л. 9–10].

Неугодным являлось проблемное освещение взаимоотношений католиков, православных, иудеев на территории Беларуси. Преступной была признана статья “Разрушение костела в Друи”, напечатанная в газете “Goniec Wilenski” № 184 1909 г. В корреспонденции приведены факты, когда православные рабочие бросались на выносимые с костела святыни с криком “бей польского Бога” и разбивали их палками о стену. В противоположность этому, местный раввин запретил кагалу участвовать в разрушении костела и покупать кирпич с разрушенного храма [12, л. 67 об., 68].

Среди инородческих вопросов актуальным для края был еврейский вопрос, характеризовавшийся борьбой за права народа, в том числе посредством печати. Уголовному преследованию подвергались газеты, писавшие о еврейских погромах, например, “Северо-Западный Голос” № 175 1906 г. за статью “Итоги погромной кампании”, “Свободное слово” № 20 1906 г. “Погромные кулисы”, № 46 1906 г. “Новый погром” и т. д. [6, л. 21].

Остро обсуждала национально-политические вопросы литовская печать края. В своем докладе А.Н. Ярошевский охарактеризовал статью “По жмудским городам”, помещенную в № 27 1911 г. газеты “Lietuvos zinijs” как возбуждавшую “литовцев жмудинов против русских поселенцев”. В статье высказана мысль, если бы правительство заботилось о литовцах, то их хозяйство процветало бы [5, л. 29 об., 30]. Далее разбирательству подверглась литовская газета “Viltis” № 123 и 125 1910 г. за статью “Колонизация Литвы и помещики”, в которой автор Квиленас упрекал И.А. Столыпина в “колонизации Литвы для обрусения этого края” [12, л. 129 об., 130].

Многие газеты критиковали деятельность русских националистических организаций. Газета “Kurjer Wilenski” находила “развитие воинствующего национализма” губительным для государства и его результатом прогнозировала столкновение в крае других национализмов: литовского, польского, еврейского. Подобная критика зачастую подвергалась уголовному преследованию. Например, газета “Северо-Западный голос” № 32 1906 г. за заметку о представлении Императору 23 декабря 1905 г. делегации от Союза русского народа; газета “Новая заря” № 67 1906 г. за статью “Союз русского народа на Высочайшем приеме” [6, л. 13, 13 об.].

Несмотря на приведенные примеры “скрупулезной” работы инспекторов, ревизия, проведенная ГУДП в 1914 г. показала “плохую работу” Виленского комитета и “редкое” возбуждение уголовных преследований [2, с. 144].

Заклучение

Таким образом, работе ВВКпДП была свойственна борьба либеральных и официально-охранительных взглядов. Остро дискуссионными вопросами развития края по материалам преследуемых СМИ являлась борьба за права общества, требования свободы национально-культурного развития в белорусских, польских, еврейских, литовских СМИ. Либеральные силы выступали против черносотенной прессы. В ситуации поляризации мнений и требований, виленской цензуре характерны, на наш взгляд, официально-охранительные тенденции. Объективные трудности в работе ВВКпДП были обусловлены недостатком штата, большим объемом работ, функциональными противоречиями в системе цензуры, что создавало предпосылки СМИ выиграть судебное дело.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. История цензурных учреждений в Виленской губернии в XIX – начале XX века / Н.А. Гринченко [и др.] // Круготуга. – 2004. – Т. 43. – Р. 58–86.
2. **Патрушева, Н.Г.** Ревизия Временного комитета по делам печати в Вильно в 1914 г. / Н.Г. Патрушева // Круготуга. – 2006. – Т. 47. – Р. 142–148.
3. Именной высочайший указ, данный Сенату “О временных правилах о повременных изданиях” 24 ноября 1905 г. / Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – СПб. : Государственная типография, 1908. – Т. XXV отделение I – № 25605 – 27172 – №. 26962 – С. 837–840.
4. Передовая // Белорусская жизнь. – 1911. – Суббота, 1 января – Программный номер. – С. 2.
5. Литовский государственный исторический архив (ЛГИА). – Фонд 601. – Оп. 1. – Д. 50. Доклады и постановления Виленского временного комитета по делам печати (1911–1912).
6. ЛГИА. – Фонд 1241. – Оп. 1. – Д. 121. – Переписка с Главным управлением по делам печати.
7. ЛГИА. – Фонд 601. – Оп. 1. – Д. 166. Переписка с таможнями о просмотре печатных изданий прибывающих из-за границы (1908).
8. ЛГИА. – Фонд 601. – Оп. 1. – Д. 1. Переписка с ГУ по делам печати о выходящих в Вильно газетах и журналам (1906–1916).
9. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 г. С дополнениями на 1 января 1876 г. / составлено Н.С. Таганцевым – СПб. : Типография М. Стасюлевича, 1876. – 736 с.
10. Уголовное уложение 22 марта 1903 г. / Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – СПб: Государственная типография, 1905. – Т. XXIII отделение I – № 22360 – 23838 – № 22704. – С. 177–274.
11. **Марцін**. Дума і народ // Наша ніва. – 1907. – 24 лютаго (феврала) – № 8. – С. 3–7.
12. ЛГИА. – Фонд 601. – Оп. 1. – Д. 39. – Доклады и постановления Временного комитета по делам печати (1909–1910).

Поступила в редакцию 06.01.2014 г.